

Кто чем поёт?

Слышишь, какая музыка гремит в лесу?

Слушая её, можно подумать, что все звери, птицы и насекомые родились на свет певцами и музыкантами.

Может быть, так оно и есть: музыку ведь все любят, и петь всем хочется. Только не у каждого голос есть.

Вот послушай, чем и как поют безголосые.

Лягушки на озере начали ещё с ночи.

Надули пузыри за ушами, высунули головы из воды, рты приоткрыли.

«Ква-а-а-а!..» — одним духом пошёл из них воздух.

Услыхал их Аист из деревни. Обрадовался.

— Целый хор! Будет мне чем поживиться!

И полетел на озеро завтракать.

Прилетел и сел на берегу. Сел и думает:

«Неужели я хуже лягушки? Поют же они без голоса. Дай-ка и я попробую».

Поднял длинный клюв, застучал, затрещал одной его половинкой о другую — то тише, то громче, то реже, то чаще: трещотка трещит деревянная, да и только!

Так разошёлся, что и про завтрак свой забыл.

А в камышах стояла Выпь на одной ноге, слушала и думала:

«Безголосая я цапля! Да ведь и Аист — не певчая птичка, а вон какую песню наигрывает».

И придумала:

«Дай-ка на воде сыграю!»

Сунула в озеро клюв, набрала полный воды да как дунет в клюв!

Пошёл по озеру громкий гул:

«Прумб-бу-бу-бумм!..» — словно бык проревел.

«Вот так песня! — подумал Дятел, услышав Выпь из лесу. — Инструмент-то у меня найдётся: чем дерево не барабан, а нос мой чем не палочка?»

Хвостом он упёрся, назад откинулся, размахнулся
головой — как задолбит носом по суку!

Точь-в-точь барабанная дробь.

Вылез из-под коры Жук с предлинными усами.

Закрутил, закрутил головой, закричала его жёсткая
шея — тоненький-тоненький писк слышался.

Пищит усач, а всё напрасно: никто его писка не слышит.
Шею натрудил — зато сам своей песнею доволен.

А внизу, под деревом, из гнезда вылез Шмель и полетел
петь на лужок.

Вокруг цветка на лужку кружит, жужжит жилковатыми
жёсткими крылышками, словно струна гудит.

Разбудила шмелиная песня зелёную Саранчу в траве.

Стала Саранча скрипочки налаживать. Скрипочки у неё на крылышках, а вместо

смычков — длинные задние лапки колонками назад. На крыльях — зазубринка, а на ножках зацепочки.

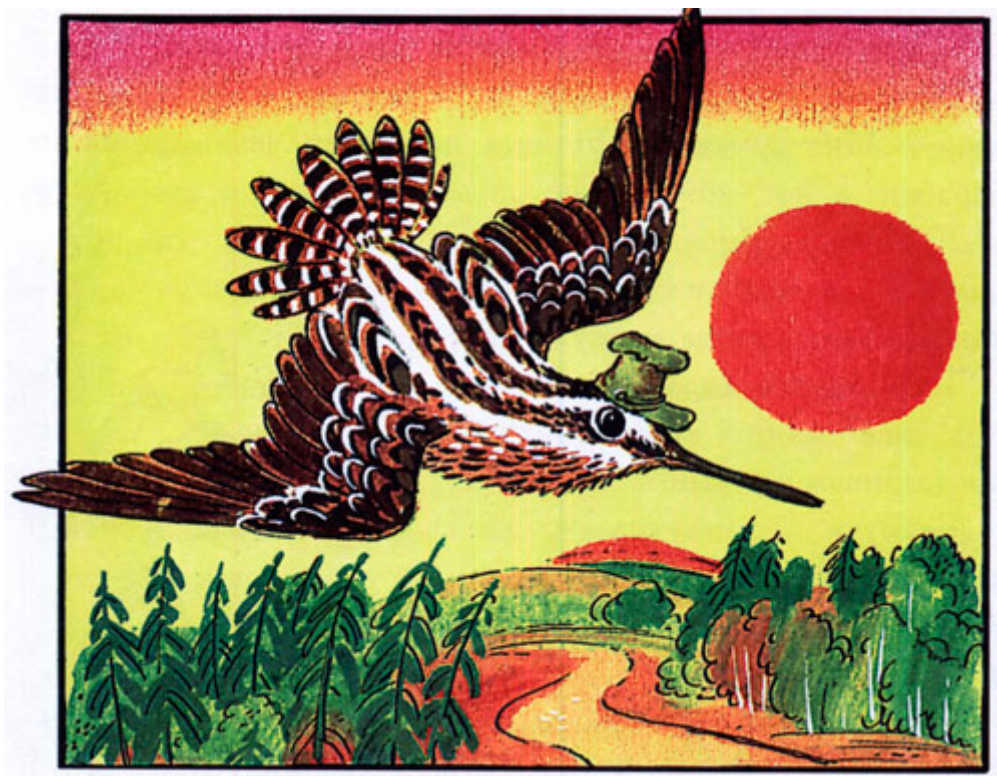
Трёт себя Саранча ножками по бокам, зазубринками за зацепочки задевает — стрекочет.

Саранчи на лугу много: целый струнный оркестр.

«Эх, — думает долгоносый Бекас под кочкой, — надо и мне спеть! Только вот чем? Горло у меня не годится, нос не годится, шея не годится, крылышки не годятся, лапки не годятся... Эх! Была не была, — полечу, не смолчу, чем-нибудь да закричу!»

Выскочил из-под кочки, взвился, залетел под самые облака. Хвост раскрыл веером, выпрямил крылышки, перевернулся носом к земле и понёсся вниз, переворачиваясь с боку на бок, как брошенная с высоты дощечка. Головой воздух рассекает, а в хвосте у него тонкие, узкие перышки ветром перебирает.

И слышно с земли: будто в вышине барашек запел, заблеял.

А это Бекас.

Отгадай, чем он поёт?

Хвостом!